

Н.К. Гончар-Ханджян

**ТРАВЛЯ КАК МЕХАНИЗМ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВЛАСТИ:
ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОДЫ РОМАНА ЭЛИ ФРЕЙ
«СИНДРОМ АЛИСЫ»**

***Аннотация:** Статья представляет комплексное исследование феномена травли в социокультурной и литературной перспективе на материале романа Эли Фрей «Синдром Алисы». В центре анализа – механизмы дисциплинарной власти, психологического насилия и медальной видимости, осмысленные через философские концепции Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё, Мориса Бланшо, Юрия Лотмана и др. Автор показывает, что буллинг – не частный психологический случай, а устойчивая форма воспроизводства социальных иерархий и механизмов контроля, в которых язык и взгляд становятся инструментами власти. Литературный текст Фрей предстает как лаборатория этического сопротивления: через двойника, дневник и цифровое «зазеркалье» героиня осваивает стратегии анонимности и возвращает субъекту голос. Параллели с романами Чака Паланика и современной подростковой прозой позволяют рассматривать травлю как процесс, раскрывающий природу насилия и зависимость человека от систем наблюдения и общественного давления. Методология статьи сочетает герменевтический и социокультурный анализ, связывая художественные структуры с эмпирическими данными ВОЗ, ЮНЕСКО и современных исследований кибербуллинга. Делается вывод, что «Синдром Алисы» фиксирует переход от индивидуальной травмы к коллективной этике видимости, демонстрируя, как литература способна осмыслять механизмы власти в цифровую эпоху и служить пространством сопротивления психологическому насилию.*

***Ключевые слова:** травля; кибербуллинг; дисциплинарная власть; психологическое насилие; литература и этика; Эли Фрей; цифровая эпоха.*

Гончар-Ханджян Наталия Кареновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета. Армения, Ереван.

E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

ORCID ID: 0009-0002-5462-8509

Gonchar-Khanjyan N.K.

Bullying as a Mechanism of Disciplinary Power: Philosophical and Literary Codes in Eli Frey's novel "Alice Syndrome"

Abstract. *This article offers a comprehensive analysis of bullying from socio-cultural and literary perspectives, using Eli Frey's novel Alice Syndrome as a focal case. The study examines disciplinary power, psychological violence, and mediated visibility through the theoretical lenses of Michel Foucault, Pierre Bourdieu, Maurice Blanchot, Yuri Lotman, etc. It argues that school bullying is not an isolated psychological incident but a persistent mechanism that reproduces social hierarchies and control, in which language and the gaze operate as instruments of power. Frey's novel functions as a laboratory of ethical resistance: through the figure of the double, the diary, and a digital "looking-glass world," the protagonist acquires strategies of anonymity and reclaims an active voice. Dialogues with Chuck Palahniuk's prose and contemporary young-adult narratives underline how bullying exposes the logic of violence and the individual's dependence on surveillance systems and public pressure. Methodologically, the article integrates hermeneutic reading with socio-cultural analysis, aligning narrative structures with empirical data from WHO, UNESCO, and recent studies on cyberbullying. It concludes that Alice Syndrome traces a shift from individual trauma to a shared ethics of visibility, showing how literature can elucidate power mechanisms in the digital age and provide a space for resisting psychological forms of harm.*

Keywords: *bullying; cyberbullying; disciplinary power; emotional abuse; literature and ethics; Eli Frey; digital age.*

Gonchar-Khanjyan Natalia Karenovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Yerevan State University. Armenia, Yerevan.

E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

ORCID ID: 0009-0002-5462-8509

Введение

В последние десятилетия проблема травли приобрела беспрецедентную остроту, превратившись из маргинальной темы школьной жизни в предмет международных исследований и государственной политики. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, сегодня каждый шестой подросток в Европе сталкивается с кибербуллингом, причем формы агрессии все чаще выходят за пределы школы, проникая в повседневность и разрушая ощущение личной безопасности [ВОЗ 2024]. ЮНЕСКО в 2020 г. учредило Международный день борьбы с насилием и буллингом в школе, подчеркнув: это не частный вопрос педагогики, а глобальная угроза праву на образование и здоровое развитие личности [UNESCO]. В российском контексте данные исследований PISA и ВШЭ показывают, что до четверти школьников сталкиваются с травлей, а более половины подростков – с агрессией в Интернете [BEARR 2021].

Актуальность исследования обусловлена тем, что травля – не единичное событие, а устойчивый социальный механизм, воспроизводящий нормы и иерархии через символическое и физическое насилие. Литература при этом оказывается не только зеркалом этих процессов, но и особой лабораторией, где через образы и нарративы становятся видимыми механизмы социального давления, исключения и сопротивления. Роман Эли Фрей «Синдром Алисы» представляет собой уникальный материал: он соединяет подростковую перспективу с философскими и культурными кодами современности, предвосхищает цифровые практики и открывает новые возможности для междисциплинарного анализа.

Новизна исследования заключается в том, что впервые роман Эли Фрей рассматривается как культурно-философский текст, раскрывающий механизмы дисциплинарной власти и символического насилия через структуру цифровой видимости.

Философские основания данной работы опираются прежде всего на концепцию дисциплинарных практик Мишеля Фуко, согласно которой власть проявляется не только в репрессиях, но и в *микрофизике повседневного контроля*. Именно школа становится одним из ключевых пространств формирования дисциплинарных тел и подчиненных субъектов. Фуко писал: «Дисциплина “создает” индивидов; это особая техника власти, которая рассматривает их одновременно как объекты и как инструменты собственного действия» [Foucault 1978, p. 170]. Важной для анализа оказывается также концепция символического насилия Пьера Бурдьё, объясняющая, как социальные иерархии закрепляются через язык и привычку, делаясь «естественными» для самих участников. Эта идея позволяет рассматривать буллинг как форму символического насилия, в которой и агрессоры, и свидетели не всегда осознают собственное участие в механизме унижения. Третьим важным ориентиром становится мысль Мориса Бланшо о литературе как пространстве опыта, где язык сталкивается с границей высказывания. Бланшо отмечает: «Литература начинается тогда, когда ее ставят под вопрос» [Blanchot 2022, p. 300]. В этом смысле роман Эли Фрей можно рассматривать как текст, в котором сама литература становится формой этического вопроса – о границе между наблюдением и участием, между языком и насилием.

Цель статьи – показать, что роман Эли Фрей «Синдром Алисы» позволяет рассматривать травлю не только как психологический сюжет, но и как социокультурный сценарий, встроенный в структуру дисциплинарной власти и символического насилия. Методологически работа объединяет герменевтическое прочтение текста и социокультурный анализ, опирающийся на философские модели постструктурализма. Такой подход дает возможность увидеть, как литературный нарратив становится формой сопротивления – не через отрицание, а через превращение травмы в осмысленный дискурс.

Основная часть

Семиотика насилия: феномен травли в современной социокультурной оптике

Буллинг сегодня рассматривается как одно из наиболее острых социальных и культурных явлений – от школьных подшучиваний и остракизма до кибернасилия. Исследовательская традиция, восходящая к работам Дэна Олвеуса [Olweus 1993], определяет ключевые признаки феномена: систематичность, намеренность, повторяемость и неравенство сил. С развитием цифровых медиа эта структура усложнилась: агрессия утратила пространственные и временные границы, атаки стали анонимными, а следы фиксируются в бесконечных репостах. Робин Ковальски, Сьюзан Лимбер и Патрисия Агатстон в книге «Cyberbullying: Bullying in the Digital Age» (2012) отмечают, что онлайн-агрессия усиливает офлайн-конфликты, превращаясь в их продолжение и создавая эффект постоянного присутствия насилия [см.: Kowalski et al., 2012].

За последние три десятилетия школьная травля прошла путь от частного нравственного казуса до предмета глобальных программ общественного здоровья, образовательной политики и цифровой безопасности. Европейское бюро ВОЗ, по данным исследования HBSC (44 страны, 2018–2022), фиксирует устойчивый рост кибертравли: каждый шестой школьник сталкивается с ней, причем проблема усиливается у обоих полов. Травля выходит за пределы школы и «входит» в дом, сопровождая ребенка в пространстве, прежде считавшемся безопасным. Ущерб становится хроническим за счет постоянной досягаемости через экран и уведомления [ВОЗ 2024].

В международной образовательной политике ключевым маркером стал учрежденный ЮНЕСКО Международный день борьбы с насилием и травлей в школе (включая кибербуллинг), ежегодно отмечаемый в первый четверг ноября. Этот день закрепляет базовый тезис: школьное насилие нарушает право на образование и здоровье, а следовательно, ответственность за противодействие несут не только школа и семья, но и технологические платформы и государственные структуры. ЮНЕСКО подчеркивает необходимость межсекторального подхода (образование, здравоохранение, ИТ, НКО, СМИ), поскольку механизмы травли сегодня во многом «алгоритмичны» [UNESCO].

Российские данные: по репрезентативному анализу (PISA, обработка 2018–2019), около 16% учащихся российских школ указывают на опыт регулярной травли; при этом уязвимость распределена неравномерно и связана с климатом школы, практиками управления, социальным фоном и академической конкуренцией. Российские публикации фиксируют и другое: значительная доля подростков оказывается свидетелями травли – роль, которая часто недооценивается, хотя именно «пассивный наблюдатель» делает насилие устойчивым. В разных исследованиях по России доля свидетелей отдельных

форм травли достигает 30–40%, а локальные опросы по цифровой агрессии показывают, что эпизоды онлайн-насилия переживали больше половины подростков хотя бы раз в жизни. Эта расфокусировка ролей – жертва, агрессор, свидетель – важна: дети и подростки нередко переходят между ролями, а «свидетель» может стать ключевым ресурсом вмешательства, если с ним работать отдельно, а не воспринимать как «фоновую массу» [Avanesian et al. 2021].

Наблюдаемая институционализация темы на федеральном уровне в 2024–2025 гг. выражается не только в «просветительских днях» и тематических «классных часах», но и в разработке методических рекомендаций и памяток по предотвращению травли и реагированию на нее. В документах Минпросвещения обращает на себя внимание двухъярусная логика: с одной стороны, признание спектра форм (от психологического давления до цифровых атак), с другой – прямое разъяснение дисциплинарной, административной и уголовной ответственности за «шутки», которые в сети обретают характер доказуемого действия. Это важный сдвиг в нормативности: цифровая агрессия перестает восприниматься как «внешкольная территория» и включается в зону ответственности образовательной организации. На практике это проявляется и в запусках программ «Школа без травли», и в конкурсах типа #ШколаБезОбид, направленных на повышение квалификации педагогов и на тиражирование удачных кейсов профилактики [Министерство просвещения Российской Федерации 2025].

Одна лишь статистика не объясняет устойчивость буллинга: ее поддерживают механизмы видимости в цифровой среде. Контент с унижением живет дольше и получает больший охват, чем нейтральный; «архив» скриншотов и пересылок делает травму повторяющейся и надолго привязывает к ней имя жертвы. Для подростков это означает не только репутационный удар, но и постоянное возвращение события. Аналитики фиксируют эффект «вознаграждения видимостью»: агрессивный контент получает больший охват и стимулирует повторение насилия [Kowalski et al., 2012].

Интервенции традиционно опираются на два подхода. Программа Олвеуса фокусируется на школьном климате и полном запрете «нормализации» травли [Olweus 1993]; корпус Ковальски – Лимбер – Агатстон анализирует анонимность, платформы, «свидетелей-зрителей» и механизмы цифровой видимости. Для школ, работающих в онлайн-экосистемах, критично понимание этих сетевых структур. Оба подхода соединяются в трехуровневых моделях профилактики: школа (климат и политика), класс (работа со свидетелями), платформа (цифровая гигиена, модерация и навыки анонимности без воспроизводства насилия).

На стороне гражданского общества формируется зрелый инструментарий. Кампании UNESCO, Cybersmile Foundation и инициатива Be Best (Мелания Трамп) акцентируют онлайн-безопасность и доброжелательную коммуника-

цию. В России усиливаются проекты «Травли.нет», «Каждый важен» и «Безтравли.рф», переводящие академические понятия в практики реагирования и диагностики. Параллельно семейные психологи популяризируют принципы профилактики и совместной ответственности школы и родителей, сокращая разрыв между научным и бытовым дискурсами. Эти «публичные мостики» снижают латентность и меняют поведение «зрителя».

В литературе травля всегда выходила за пределы социального факта: она выявляет скрытые структуры власти и коллективные механизмы унижения. В одном из эпизодов «Братьев Карамазовых» Достоевский показывает, как насмешка превращается в ритуализированный акт коллективного стыда. Школьники выстраивают иерархию, где унижение становится способом самоутверждения: «Илюшу тотчас же стали задирать <...> у него тогда было пальтишко скверное, штанишки наверх лезут, а сапоги каши просят. Они его и за это. Унижают» [Достоевский 1976, с. 479]. Этот эпизод – один из первых художественных опытов осмысления травли как морального эксперимента, раскрывающего природу толпы и бессознательную жажду наказания.

У Голдинга в «Повелителе мух» (1954) коллективная жизнь подростков превращается в ритуал насилия: маска, пляска, жертва становятся формами символического подавления, через которые группа утверждает идентичность. Исключение инакового становится условием целостности – травля выступает формой культурной памяти.

В «Оливере Твисте» Ч. Диккенса унижение принимает институциональную форму: сиротский приют превращен в дисциплинарный механизм, где власть действует под личиной заботы, а наказание – под видом воспитания. «Успех дисциплинарной власти, несомненно, проистекает из применения простых инструментов: иерархического наблюдения, нормирующего суждения и их сочетания в особой для нее процедуре – экзамене» [Foucault 1978, p. 170]. Приют – модель микрофизики власти, где насилие становится функцией дисциплинарного устройства.

Во второй половине XX в. американская литература вырабатывает новый тип насилия – институциональный и психологический. В «Кэрри» Стивена Кинга (1974) издевательство превращается в ритуал подчинения, публикация насилия – в способ самоутверждения. Кинг показывает травлю как элемент социальной инфраструктуры. У Маргарет Этвуд («Кошачий глаз», 1988) детская травма сублимируется в творчество; у Лионел Шрайвер («Нам нужно поговорить о Кевине», 2003) – следствие культуры успеха, где эмпатия теряет этический статус. У Гевина Экстенса («Вселенная против Алекса Вудса», 2013) одиночество становится пространством сопротивления и философской зрелости. Через художественные нарративы проявляется то, что Ханна Арендт назвала «банальностью зла» – превращением насилия в рутину и «естественный» отклик на различие [Arendt 1963, p. 252].

В молодежной прозе Роберта Кормье («Шоколадная война», 1974) и Яна Гийу («Зло», 1981) травля становится частью воспитательной системы. В советской традиции Владимир Железников в «Чучеле» (1981) изображает «дружный класс» как сообщество соучастников унижения. Так травля становится универсальным механизмом поддержания нормы – там, где коллектив боится различия и переходит от молчания к действию.

Особое место занимает японский опыт – феномен *ijime* (いじめ травля), ставший национальной социальной проблемой. По Секо Енеяме [Yoneyama 2015], *ijime* выражается в молчаливом давлении, изоляции и игнорировании. В литературе механизм прочитывается по-разному: у Мидзуки Цудзимур (в «Замок в Зазеркалье», 2017) подростки, пережившие травлю, обретают пространство высказывания и прощения; у Канаэ Минато в «Признаниях» (2008) раскрываются механизмы насилия через голос учительницы; в манге Еситомо Оимы «Безмолвный голос» (2013) разворачивается драма вины и искупления. Эти тексты показывают травлю как структуру повседневного террора, поддерживаемого социальной нормой.

Через язык власть создает различие и делает его невидимым, что созвучно мысли Бурдьё: «символическая власть – власть, конструирующая реальность» [Bourdieu 1991, p. 166]. Травля предстает быть формой символического насилия, где агрессор и жертва связаны единой сетью речевых практик. Если у Бурдьё власть утверждается через язык и признание, то, по Морису Бланшо, литература становится пространством нравственного испытания, где акт письма – форма сопротивления насилию. Так рождается ее этическое измерение: сцена травли не описывает насилие, а испытывает границы языка, способного о нем говорить.

По Юрию Лотману, культура существует в режиме перевода между «своим» и «чужим», а его сбой разрушает семиосферу [Лотман 2000, с. 37]. Травля в этом контексте – нарушение культурного перевода: жертва исключается из поля значений, а насилие становится попыткой восстановить иллюзию целостности. Литература фиксирует момент распада семиосферы и создает новые пути перехода – от молчания к голосу, от соучастия к пониманию.

Этика взгляда и язык травмы: нарративная структура в романе Эли Фрей «Синдром Алисы»

Буллинг в романе Эли Фрей не является ни эпизодом, ни сюжетным приемом: это структура, управляющая оптикой повествования, распределением внимания и конфигурацией идентичности. Уже в первых главах формулируется осевая коллизия раздвоенности: «я состою из двух половинок» [Фрей 2018, с. 5] – фраза, отсылающая и к кэрролловскому «зазеркалью» (другой стороне того же «я»), и к лакановскому опыту первичного самоузнавания через образ,

всегда частично чужой [см.: Lacan 1977, p. 1–7]. В этой логике стремление героини к социальной норме воспринимается как симптом («Вот как они называют мои старания стать нормальной! Тронулась умом!» [Фрей 2018, с. 10]), поскольку в условиях травли нормы группы задаются извне и динамически, превращая адаптацию в еще один повод для санкции.

Телесная увечность героини – не метафора, а материал: клинические описания болезни [там же, с. 19–20] и сцены, где тело «играет» вопреки ограничению («танцую так, как будто я не больна» [там же, с. 26]), раскрывают тему видимости и невидимости. Порог публичности определяется не действиями Алисы, а чужим взглядом: подруга публикует фотографии без нее [там же, с. 37], а позже в сеть попадает видео издевательств, снятое ее «друзьями». Это не частный случай деструкции, а производственный механизм видимости, превращенный в форму контроля [Foucault 1978, p. 200]. Сознание героини закрепляет это через повторяющиеся формулы «невидимости»: «никто ничего не заметил <...> они меня вообще видят?» [Фрей 2018, с. 82]; «чувствуя себя человеком-невидимкой» [там же, с. 97]; «теперь все перестали замечать» [1, с. 100]; «перестать быть невидимой» [там же, с. 102]; «если я спрыгну с пятнадцатого этажа, кто-нибудь это заметит?» [там же, с. 107]. Этот лейтмотив – не стилистический прием, а семиотический симптом: язык фиксирует, как насилие перераспределяет видимость, создавая иерархию присутствия и исчезновения.

Сюжетная «видимость» романа скрепляется микроритуалами исключения. Эпизод с ходунками [там же, с. 113–114], где у героини отнимают средство передвижения, и отказ Сони вмешаться – не просто «плохой поступок друзей», а урок распределения ролей: наблюдатель обретает власть через бездействие, его свидетельство легитимирует агрессию [Foucault 2003]. Позднее невидимость сменяется избыточным вниманием: после сцены издевательств [Фрей 2018, с. 124] Алиса вспоминает свое новогоднее желание «стать заметной» и хочет «отозвать его обратно» [там же, с. 130]. Публичность оборачивается демонстрацией уязвимости. Парадокс героини в том, что стремление быть замеченной превращается в стратегию избегания – от суицидального вопроса [там же, с. 133–134] до желания «не оставлять следов».

Изменение темпоральности становится вторым регистром травмы. Фраза «мир перестал вращаться» [там же, с. 124] фиксирует остановку хроноса, время застревает в настоящем. Здесь возникает борхесовский мотив развилки реальностей: «планета без той вечеринки» [там же, с. 156] – не эскапизм, а способ мыслить травму как множественность гипотетических миров, «которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются <...> заключая в себе все мыслимые возможности» [Борхес 2002, с. 144]. В дерридианской перспективе «отсрочки и отличия» значение событий постоянно откладывается: произошедшее не совпадает с его кадром, подписью, пересказом [Derrida 1998, p. 65–67].

Так текст работает с культурными кодами. Отсылка к «Игре престолов» [Фрей 2018, с. 81] – не декоративна: афоризм «тот, кто выносит приговор, должен сам осуществить казнь» [там же, с. 361] превращается в этико-политическую формулу ответственности. Внутри школьной среды приговор выносит толпа, а «уничтожение» объекта делегируется алгоритмам видимости – лайкам, просмотрам, репостам (см.: [Baudrillard 1994]). Отсылка к Эко выявляет принцип чтения: текст требует соучастия, но читатель-свидетель выбирает легкие формы – ярлык, мем, «шутку» [Есо 1979].

Псевдоинициационные сцены – танцы вокруг беспомощной бабушки [Фрей 2018, с. 87–88], кражи в магазине [там же, с. 93–94] – образуют инфраструктуру анестезии: новые переживания добываются за счет чужой беспомощности. Здесь действует логика суперэго-императива «наслаждайся!» [Žižek 2008]. Групповая мораль превращает свободу в трансгрессию и вырабатывает привычку к издевательствам над уязвимым. Признание Алисы [Фрей 2018, с. 88] – «впервые почувствовала себя здоровой» – корреспондирует с Палаником: герой «Бойцовского клуба» впервые ощущает себя живым среди смертельно больных [Паланик 2011, с. 27, 56]. Тот же архетип повторяет «меланхолическая программа гения» [Фрей 2018, с. 98]: болезнь как источник смысла. Психология травмы просвечивает через культурные клише: роль «меланхолика» позволяет вербализовать боль и подготовить рождение «компьютерного гения» как фигуры сопротивления.

Проблематика видимости и невидимости получает новое развитие в форме стратегии самозащиты: «стать невидимкой не только в жизни, но и в Интернете» [там же, с. 205] становится для героини не жестом ухода, а стратегией возмездия. К моменту, когда Алиса осваивает хакерские навыки, она вырабатывает практики конфиденциальности: «анонимная Сеть, утилиты для шифрования, программы безвозвратного удаления данных, анонимайзеры, одноразовые адреса электронной почты» [там же, с. 205] – не просто *modus vivendi*, а *modus operandi*, направленный на смену социальных ролей. Героиня предугадывает функциональность цифровых платформ; в художественной логике это не «ошибка», а симптом эпохи, в которой коммуникация смещается к исчезающему письму. Алиса не публикует дневник – это ее приватная лаборатория, тогда как публичное насилие производят чужие камеры и чужие аккаунты.

Из этого вырастает тема двойничества. Переписка с Безумным Шляпником [там же, с. 185], сон внутри сна [там же, с. 194–196], «целая чужая вселенная в голове» [там же, с. 408] – не просто метафоры. В лакановской оптике «зеркальной стадии» эти сцены фиксируют онтологический сдвиг: образ Мэда становится интерфейсом действия там, где Алиса бессильна. Отсюда – «маска» [там же, с. 221] и «броня» [там же, с. 229], создающие эффект самоэффективности. Но броня опасна: «Алису пугали противоречивые чувства – Мэд плохо на нее влиял» [там же, с. 265]. Граница между инструментом и одержимостью

стирается; «ночная власть» другого над телом [там же, с. 216] маркирует зону диссоциации, где субъект уступает место функции. Аналогичен паланиковский мотив: «Каждый раз, когда ты засыпаешь <...> я выхожу и совершаю безумный поступок» [Паланик 2011, с. 275].

Кульминационные узлы – наказание Белозерцева, месть буллерам [Фрей 2018, с. 382, 259–263; 321–327; 341–351; 353–357], «приговор» [там же, с. 361] – соединяют все линии в единый моральный кризис. Формула «я делаю то, что сделали со мной» [там же, с. 206] обнажает зеркальную структуру: месть как повторение насилия. Новое самоощущение («мне просто нравится чувствовать власть над людьми» [там же, с. 205]) и разрыв между виртуальным и реальным («в Интернете она владела жизнями <...> в реальности – все иначе» [там же, с. 265]) соотносятся с транзактным сценарием «Победитель дракона» Эрика Берна, основанным на предписании «стать великим человеком» и цикле «герой/жертва/герой» [Берн 2008, с. 361–362].

Роман не выстраивает редемптивной модели, представляя насилие как воспроизводимый механизм социального и этического опыта. Символика ртути и «безумия шляпников» – культурно-медицинская легенда, в которую вписан Мэд – уточняет этот процесс: «он вырвется и обретет власть над моим телом» [Фрей 2018, с. 207]; «мы делим одно тело на двоих» [там же, с. 213]; «Мэд властвует ночью» [там же, с. 216]; «сняла маску Алисы <...> на пост вступает Mad Hatter» [там же, с. 221]. Эти формулы описывают не вытеснение, а интеграцию двойника как ресурса – опыт согласования с травмой и становление этики ответственности: «тот, кто выносит приговор...» [там же, с. 361] возвращается как зеркало, которое нельзя передоверить никому.

Кто говорит через нас: зеркальная власть, этика действия и пределы субъекта в романе Эли Фрей «Синдром Алисы»

Сюжетная линия «Мэд/Алиса» продуктивно соотносится с паланиковским «бойцовским» корпусом – не по внешним эффектам (ночная активность, двойник, смена масок), а по механизму рождения субъекта из травмы. У Паланика Дерден – не «второе я», а машина действия, исполняющая то, на что «я» не решается. У Фрей Мэд возникает не как объект вытеснения, а как оператор: он ведет переписку [там же, с. 185], диктует стратегию [там же, с. 191], «властвует ночью» [там же, с. 216] и одновременно открывает путь к ключевому навыку – программированию, анонимности, тактикам невидимости [там же, с. 204–205]. В обоих случаях «второй» становится тренажером действия, цена которого – утрата контроля.

Параллель с «Невидимками» Паланика развивает тему телесного изъятия («С некоторыми людьми это приключается раньше, с другими позже <...> но заканчиваем мы все одинаково. Превращаемся в уродов» [Паланик 2009, с. 30]) и переписывания идентичности через фотографию, кадр, язык

(«...ты еще раз расскажешь мне свою историю. Вернее, напишешь. А потом еще и еще раз» [Паланик 2009, с. 62]). Алиса делает видимой собственную уязвимость, но теперь сама управляет видимостью: «я – охотник» [Фрей 2018, с. 204], «неограниченная власть» [там же, с. 205] – не бахвальство, а точка обретения агентности. Этический вектор при этом сохраняется: месть остается местью, и роман не романтизирует ее.

В формуле «я делаю то, что сделали со мной» разыгрывается гегелевская диалектика «раб – господин», перенесенная в цифровой контекст: модель *slave/master* [там же, с. 205] артикулирует власть через доступ к данным и контроль над видимостью. «Охота» на Белозерцева [там же, с. 382] становится не частным эпизодом, а политической сценой, где знание и код превращаются в этическую и юридическую дилемму: кто вправе судить и как «сюрреальная» справедливость пересекается с законом.

Роман возвращает к российской традиции изображения травли – не через цитирование, а через структуру. «Чучело» Железникова задает архетип ярлыка и коллективного бойкота; у него героиня остается пассивной мишенью символического суда, тогда как у Фрей «мишень» перехватывает медиальные инструменты. В повести Богословского «Верочка» тонкое моральное давление и вина переходят в «Синдром Алисы» в структуру разрушенного доверия: Соня превращается в эгоцентричного свидетеля, пассивного соучастника. Институты (суд, школа) не восстанавливают справедливость [там же, с. 153], и парадоксальной компенсацией становится «иная справедливость» – мздовская. Этика действия трансформируется в постструктуралистское измерение, где субъект определяется не намерением, а структурой – тем, как власть и смысл производят говорящего.

Эпизоды романа, где Мэд «властвует ночью» [Фрей 2018, с. 216], а Алиса «снимает маску» [там же, с. 221], соотносятся с лакановской логикой смены позиций субъекта: то, что днем запрещено, ночью разрешается другой маске. Здесь формируется внутренняя экономика аффектов, где действие компенсирует вытеснение. Разрыв с прежним окружением – переезд, домашнее обучение [там же, с. 159–160] – становится жестом переформатирования реальности: Вика выполняет функцию точки реальности, удерживая Алису на границе между воображаемым и символическим.

Аллюзивная этика романа выстраивает линию ответственности. Формула «тот, кто выносит приговор, должен сам осуществить казнь» [там же, с. 361] возвращает школьное пространство к категории морального выбора: «игра» [там же, с. 370] становится метафорой реального насилия и провала институтов. Зазеркалье здесь – не бегство от реальности, а гипертрофированное ее отражение, где осмысливаются последствия действия.

Кульминация романа переносит конфликт в плоскость диалога: «Мэд не будет ее слушать <...> он подчинит тело и мозг себе» [там же, с. 288]; «Мад

Hatter был жесток и безумен» [там же, с. 325]. Однако вместо изгнания двойника происходит серия символических переговоров – спасение Мэда [там же, с. 429], сон как перинатальный опыт, техники осознанных сновидений [там же, с. 415]. Двойник превращается из фигуры одержимости в инструмент самопонимания: не отрицание тьмы, а ее подчинение закону меры.

Таким образом, «Синдром Алисы» дает редкую для современной прозы конструкцию: текст показывает, как травля порождает антропологическую деформацию – распад связей, утрату языка, патологическую видимость и как через маску, письмо, код, анонимность и «зазеркалье» субъект учится действовать, не растворяясь в мести. Параллели с Палаником в этом ключе не про «насилие ради насилия», а про архитектуру действия: *кто говорит через нас, где проходит линия между инструментом и одержимостью, чем измеряется ответственность?* Роман не подменяет суд психологией; он показывает структуры, внутри которых личные решения становятся этическим выбором, а не «естественным» продолжением травмы.

Заключение

Современное осмысление буллинга требует выхода за пределы описания психологической травмы: перед нами не частный опыт, а сложный социокультурный процесс, где пересекаются власть, язык и видимость. Роман Эли Фрей «Синдром Алисы» демонстрирует, что литература не только фиксирует травлю как социальный симптом, но и вырабатывает собственные формы сопротивления – через нарратив, внутренний монолог и символические стратегии субъекта. Здесь художественный текст становится пространством, где соединяются философия Фуко о дисциплинарном теле, анализ символического насилия у Бурдьё и семиотическая логика Лотмана, превращающая акт письма в акт восстановления смысла.

Оптика Фрей показывает, что насилие не существует вне медиальных структур: оно не просто совершается, но и транслируется, получает длительность через механизмы видимости. «Синдром Алисы» становится метафорой культуры наблюдения – паноптической, сетевой, самоорганизующейся. Приватный дневник героини оказывается единственным пространством свободы, где язык возвращает субъекту способность к действию. Сопротивление начинается там, где травма превращается в высказывание.

Объединяя философский и эмпирический уровни, исследование показывает: буллинг – не только педагогическая или психологическая, но и культурная проблема. Способы, которыми общество распределяет внимание, регулирует видимость и очерчивает границы допустимого, воспроизводят старые формы власти в цифровых оболочках. Так «Синдром Алисы» становится текстом перехода – от индивидуальной боли к коллективному самопознанию, от молчания к этике слова.

Литература выступает не отражением, а инструментом понимания реальности: она возвращает язык тем, кто был лишен голоса, и делает видимыми механизмы насилия, опирающиеся на невидимость. Эта способность соединять художественное, социальное и философское определяет значение романа Фрей в гуманитарном контексте и подтверждает, что анализ травли невозможен без культурологического и дискурсивного измерения.

Перспективы исследований связаны с расширением сравнительного поля – включением репрезентаций буллинга в русской, англоязычной и восточноевропейской прозе, а также визуальных нарративов. Важно проследить, как медиальные структуры влияют на переживание и переработку травмы и каким образом искусство сохраняет роль этического пространства, где травма превращается в знание.

Проведенный анализ, объединяющий литературоведческие, философские и социологические подходы, формирует теоретическую основу для последующих публикаций и систематизации научного материала.

Библиография

- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: ЭКСМО, 2008. 576 с.
- Борхес Х.Л. Новые расследования // Собр. соч. в 4 томах. СПб.: Амфора, 2002. Т. 2. 844 с.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 514 с.
- Исследование: 55% подростков в России сталкивались с кибербуллингом // Beart. 2021. 26.04. URL: <https://surl.li/qogtte> (дата обращения: 01.11.2025).
- Каждый шестой школьник сталкивается с кибербуллингом – новое исследование ВОЗ/Европа // Всемирная организация здравоохранения (Европейское региональное бюро). 2024. 27.03. URL: <https://surl.li/fzohjg> (дата обращения: 01.11.2025).
- Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). С.-Пб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- Международный день борьбы с насилием и травлей в школе, в том числе кибербуллингом // ЮНЕСКО. 2025. 6. 11. URL: <https://www.unesco.org/ru/days/against-school-violence-and-bullying> (дата обращения: 01.11.2025).
- Минпросвещения России разработало памятку по противодействию физическому и психическому насилию, травле в школах // Министерство просвещения Российской Федерации. 2025. 26.03. URL: <https://edu.gov.ru/press/9580/minprosvescheniya-rossii-razrabotalo-pamyatku-pro-protivodeystviyu-fizicheskomu-i-psihiicheskomu-nasiliyu-travle-v-shkolah/> (дата обращения: 19.10.2025).
- Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2011. 256 с.
- Паланик Ч. Невидимки. М.: АСТ, 2009. 300 с.
- Фрей Э. Синдром Алисы. М.: АСТ, 2018. 448 с.
- Antic J. Exhibition “Traces.” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jelenaantic.art/traces.html> (дата обращения: 01.11.2025).
- Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Viking Press, 1964. 324 p.

Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian secondary school: Predictive analysis of victimization // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/ifaofa> (дата обращения: 01.11.2025).

Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / Translated by Sheila Faria Glaser. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. 165 p.

Blanchot M. *Literature and the Right to Death*. Stanford University Press, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/jfgpbd> (дата обращения: 01.11.2025).

Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 295 p.

Derrida J. *Of Grammatology*. Corrected edition / Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 359 p.

Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books, 1978. 333 p.

Foucault M. *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76*. Edited by Mauro Bertani and Alessandro Fontana, translated by David Macey. New York: Picador, 2003. 310 p.

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. *Cyberbullying: Bullying in the Digital Age*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 282 p.

Lacan J. *The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience* // *Écrits: A Selection*. Translated by Alan Sheridan. New York: W. W. Norton & Company, 1977. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/mnqxea> (дата обращения: 01.11.2025).

Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell, 1993. 321 p.

Yoneyama S. *Theorizing School Bullying: Insights from Japan*. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://confero.ep.liu.se/article/view/3617> (дата обращения: 01.11.2025).

Žižek S. *The Plague of Fantasies*. London; New York: Verso, 1997. 584 p.

Žižek S. *The Sublime Object of Ideology*. London and New York: Verso, 2008. 270 p.

References

Antic J. Exhibition “Traces.” URL: <https://www.jelenaantic.art/traces.html> (date of access: 01.11.2025).

Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking Press, 1964. 324 p.

Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian secondary school: Predictive analysis of victimization. *Frontiers in Psychology*. 2021. N 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://surl.li/ifaofa> (date of access: 01.11.2025).

Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / Translated by Sheila Faria Glaser. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. 165 p.

Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games that People Play. People Who Play Games]. Moscow: EKSMO, 2008. 576 p. (In Russ.)

Blanchot M. *Literature and the Right to Death*. Stanford University Press, 2022. URL: <https://surl.li/jfgpbd> (date of access: 01.11.2025).

Borkhes Kh. L. *Novye rassledovaniya* [New Investigations]. In: *Sobranie sochinenii* [Collected Works]; In 4 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Amfora, 2002. 844 p. (In Russ.)

Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 295 p.

Derrida J. *Of Grammatology*. Corrected edition / Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 359 p.

Dostoevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazovs]. In: Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]: In 30 vols. Vol. 14. Leningrad: Nauka, 1976. 514 p. (In Russ.)

Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Pantheon Books, 1978. 333 p.

Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975-76. Edited by Mauro Bertani and Alessandro Fontana, translated by David Macey. New York: Picador, 2003. 310 p.

Frey E. Sindrom Alisy [Alice Syndrome]. Moscow: AST, 2018. 448 p. (In Russ.)

Issledovanie: 55% podrostkov v Rossii stalkivalis' s kiberbullyingom [Research: 55% of teenagers in Russia have faced cyberbullying]. Bearr. 2021, April 26. URL: <https://surl.li/qogtte> (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Kazhdyi shestoi shkol'nik stalkivaetsya s kiberbullyingom – novoe issledovanie VOZ/Europa [Every sixth schoolchild faces cyberbullying – new WHO/Europe report]. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya (Evropeiskoe regional'noe byuro) [World Health Organisation (European Regional Office)]. 2024. 27.03. URL: <https://surl.lt/fzohjg> (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. 282 p.

Lacan J. The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience. *Écrits: A Selection*. Translated by Alan Sheridan. New York: W. W. Norton & Company, 1977. URL: <https://surl.li/mnqxea> (date of access: 01.11.2025).

Lotman Yu. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki [The Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds: Articles, Studies, Notes (1968–1992)]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)

Mezhdunarodnyi den' bor'by s nasiliem i travlei v shkole, v tom chisle kiberbullyingom [International Day Against Violence and Bullying at School Including Cyberbullying]. UNESCO. 2025. 6. 11. URL: <https://www.unesco.org/ru/days/against-school-violence-and-bullying> (date of access: 01.11.2025).

Minprosveshcheniya Rossii razrabotalo pamyatku po protivodeistviyu fizicheskomu i psikhicheskomu nasiliyu, travle v shkolakh [The Russian Ministry of Education has developed guidelines for countering physical and psychological violence and bullying in schools]. Ministerstvo prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii [The Russian Ministry of Education]. 2025. 26.03. URL: <https://edu.gov.ru/press/9580/minprosveshcheniya-rossii-razrabotalo-pamyatku-po-protivodeystviyu-fizicheskomu-i-psichicheskomu-nasiliyu-travle-v-shkolah/> (date of access: 19.10.2025). (In Russ.)

Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Blackwell, 1993. 321 p.

Palanik Ch. Boitsovskii klub [Fight Club]. Moscow: AST, 2011. 256 p. (In Russ.)

Palanik Ch. Nevidimki [The Invisibles]. Moscow: AST, 2009. 300 p. (In Russ.)

Yoneyama S. Theorizing School Bullying: Insights from Japan. 2015. URL: <https://confero.ep.liu.se/article/view/3617> (date of access: 01.11.2025).

Žižek S. The Plague of Fantasies. London; New York: Verso, 1997. 584 p.

Žižek S. The Sublime Object of Ideology. London and New York: Verso, 2008. 270 p.